

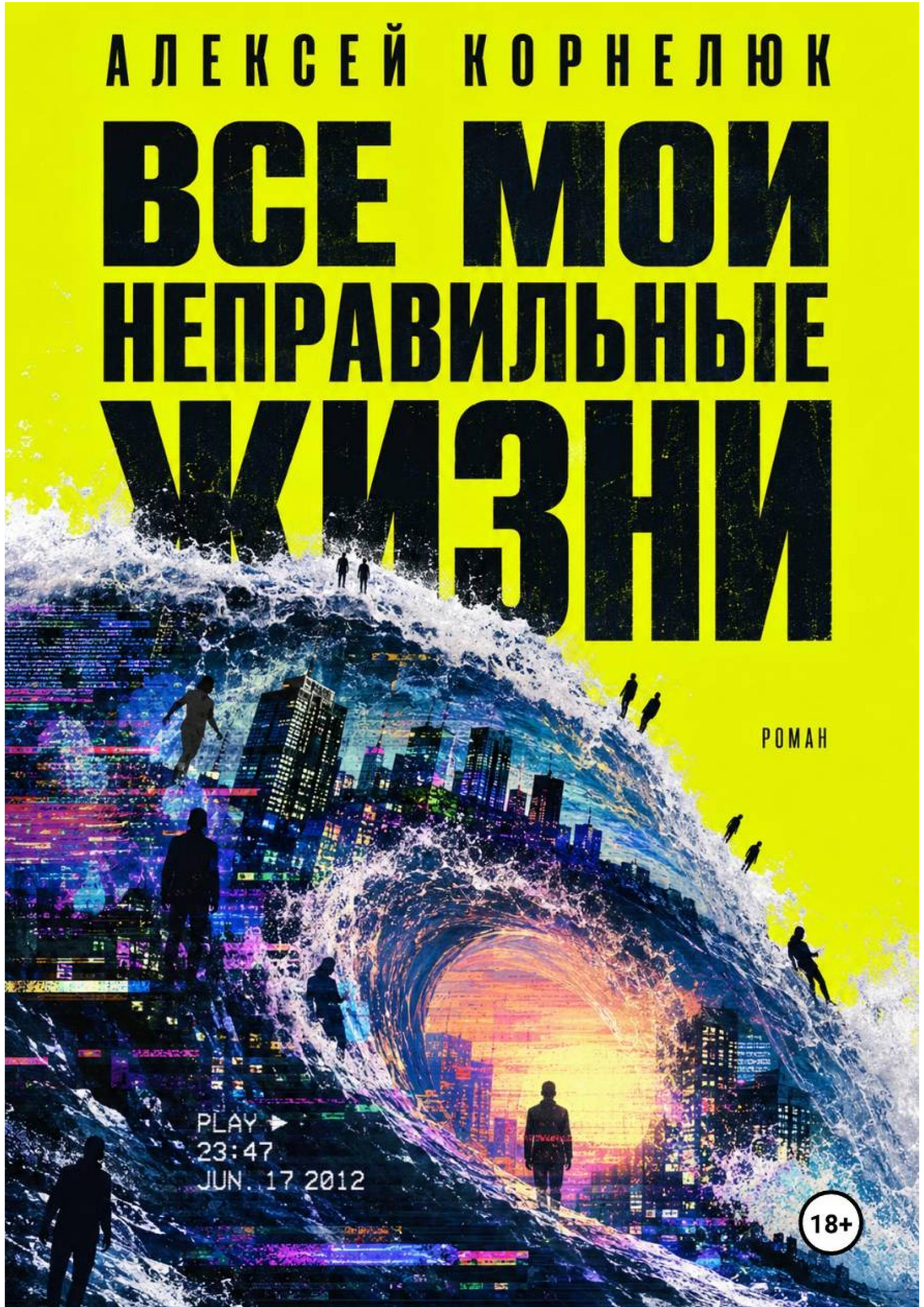
АЛЕКСЕЙ КОРНЕЛЮК

ВСЕ МОИ НЕПРАВИЛЬНЫЕ ЖИЗНИ

РОМАН

PLAY ►
23:47
JUN. 17 2012

18+

Не умирай пока не прочитаешь эти книги

Алексей Корнелюк

Все мои неправильные жизни

«Автор»

2026

Корнелюк А.

Все мои неправильные жизни / А. Корнелюк — «Автор»,
2026 — (Не умирай пока не прочитаешь эти книги)

Илья умеет исправлять чужое прошлое. В своей студии он оцифровывает старые кассеты, вырезает ссоры, неловкие паузы, пьяные лица и людей, которых семья больше не хочет помнить. После его монтажа даже самая несчастная жизнь начинает выглядеть почти правильной. Однажды на пустой кассете появляется запись дня, который Илья прожил иначе. На экране он пришёл туда, куда в реальности не успел. Сказал то, на что не решился. Оказался рядом с сыном, которого снова подвёл. Каждую ночь кассета показывает ему другую версию собственной жизни. Более смелую. Более честную. Иногда — более жестокую. Сначала Илья начинает копировать своего двойника. Потом перестаёт понимать, кто из них настоящий. А когда бывшая жена решает увезти сына в другой город, ему приходится выбрать между двумя жизнями, каждая из которых сделает его виноватым. Роман о человеке, который так долго искал правильную версию себя, что едва не потерял единственную жизнь, которую ещё можно было прожить.

Алексей Корнелюк

Все мои неправильные жизни

Все мои неправильные жизни

Мужчина на экране забыл, что хотел сказать, и умер через три года.

Илья знал только вторую часть. Первую он видел уже шестой раз подряд.

На старой записи мужчина стоял у праздничного стола в белой рубашке, которая плохо сходилась на животе, держал гранёную рюмку и смотрел на жену так, будто её имя внезапно вылетело из головы вместе со всеми другими человеческими словами. Вокруг него сидели родственники. Один жевал огурец, другой снимал всё на любительскую камеру, третий уже был достаточно пьян, чтобы улыбаться заранее. Кто-то тихо подсказал:

— Ну, за Людочку.

Мужчина кивнул, словно ему вернули не имя жены, а пароль от собственной жизни.

— Да. За Людочку.

Он поднял рюмку, но говорить всё равно не начал.

На плёнке повисло одиннадцать секунд. Одиннадцать секунд — это много. За одиннадцать секунд человек успевает пожалеть, что вообще открыл рот. Успевают понять, что любит не так красиво, как рассчитывал. Успевают увидеть, как жена стареет прямо перед ним, хотя ей ещё сорок два и она сидит в синем платье с пластмассовой брошью. Успевают почувствовать себя идиотом перед роднёй. Особенно перед роднёй. Перед роднёй человек всегда чувствует себя идиотом немного быстрее, чем перед остальным миром.

Потом мужчина поставил рюмку на стол, подошёл к жене и обнял её.

Без тоста.

Кто-то засмеялся. Людмила тоже засмеялась, но заплакала. Камера дёрнулась, поймала кусок потолка, люстру с тремя разными лампочками и снова вернулась к столу.

— Вот это уберите, — сказала Людмила.

Она сидела рядом с Ильёй на продавленном стуле и держала сумку на коленях, хотя в студии никто не собирался её грабить. Сумка была большая, коричневая, с двумя металлическими кольцами на ручках. Такие сумки живут дольше некоторых браков.

— Объятие? — спросил Илья.

— Нет. До него. Где он стоит.

— Это одиннадцать секунд.

— Я знаю.

— Можно сократить до трёх. Тогда будет естественно.

— Уберите совсем.

Илья поставил курсор в начало паузы. На мониторе мужчина замер с рюмкой в руке. У него было красное лицо, мокрый лоб и глаза человека, которого загнали в угол собственные чувства.

— Почему?

Людмила посмотрела на него так, словно он спросил, зачем покойников кладут в землю.

— Потому что он там выглядит глупо.

— Он живой там выглядит.

— Он везде живой. Для этого я и принесла кассеты.

Она принесла двадцать три кассеты. Свадьба, первый день рождения дочери, поездка в Крым, Новый год, юбилей матери, шашлыки у какого-то Серёжи, которого никто больше не помнил. Двадцать три пластиковые коробки с наклейками, на которых годы были написаны разными ручками. Людмила хотела собрать из них фильм к годовщине смерти мужа. Чтобы дети посмотрели. Чтобы внуки знали. Чтобы всё было не зря.

Люди всегда говорили «чтобы всё было не зря», когда приносили Илье старые записи. Как будто если вырезать пьяного дядю, поправить цвет и наложить песню из молодости, жизнь наконец подпишет акт выполненных работ.

— Хорошо, — сказал Илья.

Он выделил паузу и нажал кнопку удаления.

Мужчина перестал забывать слова. Теперь он поднял рюмку, моргнул и сразу обнял жену. Получилось красиво. Даже слишком. В новом варианте он выглядел решительным человеком, который намеренно отказался от тоста, потому что объятие важнее слов. В жизни он одиннадцать секунд стоял красный и несчастный, надеясь, что кто-нибудь спасёт его от необходимости сказать жене что-то настоящее. После монтажа он стал мужчиной, который всё понимал.

Людмила наклонилась к экрану.

— Вот. Теперь хорошо.

— Хорошо.

Илья сохранил правку.

Его студия называлась «Второй кадр». Название придумала Анна пятнадцать лет назад, когда они ещё были женаты и верили, что название имеет значение. Анна сказала, что в нём есть надежда. Илья ответил, что надежда плохо ищется в интернете. Они спорили весь вечер, а потом занялись любовью на полу будущей студии, потому что мебели ещё не было. Через восемь лет они развелись. Название осталось.

Студия занимала полуподвальное помещение в доме, где на первом этаже продавали ортопедические стельки, суши и займы до зарплаты. Окно выходило в бетонный колодец. В колодце курили сотрудники соседних контор, мокли голуби и медленно умирал велосипед без переднего колеса. Летом пахло пылью и кошачьей мочой. Зимой — только кошачьей мочой.

Внутри стояли три видеоманитофона, два компьютера, стойка с жёсткими дисками, старый телевизор «Сони» и кофеварка, которая издавала звук человека, подавившегося собственным языком. На стенах висели катушки, кассеты, фотографии до и после реставрации. На одной ребёнок сначала был зелёным, потом становился розовым. На другой жених сначала исчезал в засветке, потом возвращался к невесте. Илья любил такие работы. Техника хотя бы честно показывала, что именно в ней сломано.

Людмила ещё раз посмотрела отредактированную сцену.

— Он вообще хорошо говорил, — сказала она.

— Верю.

— Просто при людях терялся.

— Бывает.

— Со мной не терялся.

Илья не ответил. Он уже знал, что ответ здесь не требуется. Люди приносили ему плёнки не только ради оцифровки. Они хотели посидеть рядом с человеком, который несколько часов смотрел на их мёртвых и не отводил глаза. Священники брали за это деньги, психологи брали больше, а Илья ещё и убирал шум.

Людмила достала телефон.

— Дочь просила добавить песню. Сейчас найду.

Она долго листала сообщения, шурилась и ругалась на рекламу. Илья посмотрел на часы в углу монитора.

16:37.

В 17:30 начинался школьный показ Матвея.

В 16:45 ему нужно было выйти.

В 16:50 тоже ещё было можно.

В 17:00 он мог вызвать такси и приехать к началу, если водитель не окажется человеком, который считает движение по городу формой личного унижения.

Телефон завибрировал.

Матвей прислал фотографию сцены. На ней стоял экран, несколько складных стульев и кривой плакат: «ШКОЛЬНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ КОРОТКОГО МЕТРА». Слово «метра» было написано другим фломастером, будто первый человек умер на середине работы и его заменили.

Под фотографией стояло:

«Ты будешь?»

Илья прочитал сообщение и не ответил.

Он собирался ответить через минуту. Когда определится. Когда поймёт, успевает или нет. Когда Людмила найдёт песню. Когда экспортируется текущий фрагмент. Когда в мире образуется маленький чистый коридор, по которому можно пройти и никого не подвести.

Такие коридоры появлялись редко. Обычно по праздникам и у мёртвых.

— Вот, — сказала Людмила. — Нашла.

Она протянула телефон. Из динамика заиграла песня про любовь, море и поздний поезд. Песни, которые выбирали для фильмов об умерших, всегда были написаны людьми, твёрдо уверенными, что смерть случается только с другими.

— Её под финал, — сказала Людмила. — Где он с внучкой.

— Хорошо.

— Только не всю. Там потом громко начинается.

— Обрежу.

— И ещё в Крыму можно убрать момент, где он на меня кричит?

— Покажете.

— Там ветер сильный, может, и так не слышно.

— Посмотрим.

Она сказала это легко, как будто просила убрать случайного прохожего. Илья кивнул. Он умел убирать крики. Ссоры. Фразы, которые родственники произнесли двадцать лет назад и теперь не хотели передавать следующим поколениям. Умел сделать так, чтобы отец не шатался на выпускном дочери. Чтобы мать не смотрела в камеру с ненавистью. Чтобы бывший муж исчез со свадьбы, хотя именно он держал невесту за руку половину записи.

Человеческая память была ленивой сволочью. Достаточно показать ей новую версию несколько раз, и она начинала кивать.

Да, всё было именно так.

Мы были счастливы.

Он всегда умел говорить.

Она никогда не плакала.

Я пришёл.

В 16:49 Кира открыла дверь студии ногой. В руках у неё были два стакана кофе и пакет с проводами. Она работала у Ильи третий год и считала, что стучат только люди, которым нечем заняться.

— Один без сахара, второй тоже без сахара, но я написала на нём «с сахаром», чтобы ты почувствовал заботу.

— Спасибо.

Кира поставила стакан рядом с клавиатурой и кивнула Людмиле.

— Добрый день.

— Здравствуйте.

— Нашла переходник? — спросил Илья.

— Нашла человека, у которого есть переходник. Сам переходник он отдавать не хочет. Говорит, память.

— О переходнике?

— О девяностых. В девяностых у людей была такая жизнь, что теперь любой кабель считается родственником.

Кира сняла куртку. На ней была чёрная футболка с выцветшим изображением кассеты и надписью «ПЕРЕМОТАЙ МЕНЯ НАЗАД». Она носила её не из любви к прошлому, а потому что купила за двести рублей.

— Ты не собирался куда-то? — спросила она.

Илья снова посмотрел на часы.

16:51.

— Собирался.

— Матвей?

Он кивнул.

Кира посмотрела на Людмилу, на таймлайн, на двадцать три кассеты в коробке, потом снова на Илью.

— Тогда почему ты сидишь?

— Сейчас закончу фрагмент.

— Какой?

— Этот.

— Ты этот фрагмент можешь закончить ночью.

— Я обещал сегодня показать черновик.

Людмила сразу напряглась.

— Мы договаривались на сегодня.

— Конечно, — сказала Кира. — Сегодня длинное. До полуночи не испортится.

Илья посмотрел на неё.

Кира пожала плечами и ушла к своему компьютеру. Она умела быть права с такой физиономией, что хотелось сначала сделать наоборот, а потом умереть от последствий.

Матвей снова написал:

«Начало перенесли на 17:20».

Илья почувствовал облегчение, хотя перенос означал, что времени стало меньше.

Он ответил:

«Вижу. Постараюсь».

Слово «постараюсь» было удобным. В нём помещалось обещание, оправдание и будущая обида человека, которого несправедливо судят за обстоятельства. Илья использовал его часто. Матвей научился не отвечать.

Людмила открыла следующую запись. На экране море било в бетонный парапет. Ветер рвал звук. Камера ходила вверх-вниз, как пьяная голова. Муж Людмилы стоял в плавках и рубашке, спорил с ней из-за ключей от номера.

— Вот здесь, — сказала она.

— Что именно убрать?

— Он говорит, что я всё потеряла.

— Вы потеряли?

— Какая разница?

Илья поставил метку.

— Потом я нашла ключи у него в кармане.

— Это есть на записи?

— Нет. Камеру выключили.

— Тогда останется только ссора.

— Вот поэтому её и надо убрать.

Илья начал искать точку склейки. Если вырезать весь спор, мужчина мгновенно перемещался от парапета к мороженому киоску. Если оставить начало, было непонятно, почему жена

отворачивается. Если оставить конец, он выглядел виноватым. Жизнь плохо монтировалась. Она не заботилась о логике переходов.

В 17:03 телефон зазвонил.

Анна.

Илья сбросил вызов и написал:

«Работаю. Что-то срочное?»

Ответ пришёл сразу:

«Ты едешь?»

Он посмотрел на экран. Муж Людмилы продолжал кричать без звука. Рот открывался, руки разлетались. Без звука он выглядел не злым, а отчаянным.

«Да», — написал Илья.

Потом не отправил.

Он сидел с пальцем над экраном и чувствовал, как простое слово постепенно превращается в долговое обязательство. Если написать «да», придётся встать. Вызвать такси. Оставить Людмилу. Передать всё Кире. Приехать, возможно опоздав. Сесть рядом с Анной и Павлом. Увидеть, как Матвей сначала ищет его глазами, а потом делает вид, что не искал.

Если написать «нет», всё становилось ясно и грязно.

Илья выбрал третий вариант.

«Пытаюсь выехать».

Анна прислала:

«Не пытайся. Либо выезжай, либо скажи, что тебя не будет».

Он заблокировал телефон.

— Можно так, — сказал он Людмиле и включил фрагмент.

Теперь спор начинался с середины. Мужчина говорил:

— Ты никогда ничего не слушаешь.

Людмила отвечала:

— А ты никогда ничего не помнишь.

Затем шёл резкий переход к киоску. Мужчина протягивал ей мороженое.

— Нет, — сказала Людмила. — Оставьте лучше крик.

— Почему?

— Потому что потом мороженое понятнее.

Илья вернул удалённый кусок.

В 17:11 Кира подошла к его столу и без спроса посмотрела на телефон.

— Такси восемь минут. Заказать?

— Я сам.

— Ты не заказал.

— Сейчас закажу.

— Ты уже сейчас.

— Кира.

— Что?

— Не надо.

Она посмотрела на него секунду дольше необходимого.

— Ладно.

И ушла.

Илья открыл приложение. Машина могла приехать через девять минут. Дорога занимала двадцать семь. Показ уже начинался. Матвеев фильм стоял шестым. Теоретически он мог успеть. Теоретически люди могли не умирать, если вовремя проходили обследование. Теория вообще была замечательной страной. Все жили там правильно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.